

ПЕРЕПИСКА ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

E-MAIL CORRESPONDENCE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

Анна А. Зализняк (anna-zalizniak@mtu-net.ru)

Институт языкознания РАН, Москва

Ирина Микаэлян (ixm12@psu.edu)

Университет Штата Пенсильвания (The Pennsylvania State University), США

Переписка по электронной почте рассматривается как особый коммуникативный жанр, обнаруживающий ряд специфических черт, отличающих его от других родственных жанров. Показано, что изучение электронной переписки позволяет выявить лингвистические и психолингвистические особенности спонтанной письменной речи. Отдельно обсуждается феномен русскоязычной электронной переписки в латинской транслитерации – в том числе, с точки зрения ее влияния на расшатывание языковой нормы.

В стремительно нарастающем в настоящее время потоке исследований, посвященных коммуникации через Интернет, письмам по электронной почте отводится достаточно скромное место. Имеется ряд статей и даже несколько монографических исследований, посвященных электронной переписке на английском и немецком языках [Günther, Wyss 1996, Handler 1994, Leslie 1993, Pansegrau 1997, Townshend 1997]¹. Нам известно несколько работ, затрагивающих проблему жанра электронного письма на русском языке. В работах [Галичкина 2001] и [Смирнов 2004] основным материалом служат другие жанры электронной коммуникации. В статье [Нещименко 2005], где строится классификация типов компьютерного общения, жанр электронной почты лишь вскользь упоминается (к тому же основной материал этой статьи – чешский). В статье [Капанадзе 2001], посвященной электронным жанрам, переписка по электронной почте вообще не упоминается. Наконец, в опубликованной недавно в Интернете монографии [Трофимова 2005] о языке Рунета частная электронная переписка упоминается, но не рассматривается подробно. Таким образом, можно сказать, что в лингвистической литературе тема переписки по электронной почте на русском языке практически не изучалась.

Дело, очевидно, в том, что электронная почта среди жанров Интернет-коммуникации является наиболее «традиционным» (по сравнению с электронными форумами, общением через систему ISQ, чатами, компьютерными конференциями и др.). Тесная связь электронной почты с жанром обычного эпистолярного общения отмечается, в частности, в работах [Смирнов 2004: 42; Трофимова 2005]. Исследователи указывают также на то, что это промежуточный жанр между обычным письмом и телефонным разговором. Между тем, частная электронная переписка обладает своей собственной жанровой спецификой, а этот жанр коммуникации является одним из самых распространенных во всем мире.²

Помимо собственно жанровых особенностей, электронная переписка обладает рядом других черт (от орфографии до прагматики), делающих ее интереснейшим лингвистическим объектом.

Исследование проводилось на материале текстов частной переписки по электронной почте представителей русской интеллигенции, живущих в разных концах света, в том числе и в России. Все наши информанты, в том числе и живущие за пределами России, сохраняют русский язык полностью. Такое ограничение материала обусловлено желанием свести к минимуму рассмотрение проблематики, связанной с разрушением языка у эмигрантов.

В данной статье мы рассмотрим три круга проблем. Первый связан с выявлением особенностей электронной почты как коммуникативного жанра – при этом рассматриваются прежде всего признаки, которые противопоставляют электронную переписку обычному эпистолярному жанру и общению по телефону. Вторым обусловлен тем, что электронная переписка рассматривается как материал для реконструкции процесса порождения спонтанной письменной речи. Наконец, третий круг проблем связан с использованием пишущими по-русски латинского алфавита. Хотя это обстоятельство вызвано чисто техническими

¹ Авторы благодарны Ф.О.Смирнову за любезно предоставленные им материалы и ссылки на источники по данной теме.

² На Западе, прежде всего в англоязычных странах, осознание электронной переписки как особого жанра произошло достаточно давно. Так, в 1993 в Америке было выпущено пособие по электронной переписке [Augell, Brent, 1993], ориентированное прежде всего на деловую переписку, однако отмечающее ряд лингвистических и социолингвистических черт, отличающих данный жанр в целом.

проблемами, электронные письма, написанные латиницей, обладают рядом важных семиотико-культурных особенностей.

I. Итак, можно назвать следующие признаки электронной переписки как коммуникативного жанра.

1. Особый тип интерактивности. В отличие от обычного письма, электронное письмо предполагает быстрый ответ – в норме, в течение суток. С другой стороны, в отличие от телефонного разговора, адресат может отвечать не сразу. Таким образом, электронное письмо объединяет преимущества этих двух типов коммуникации. Если адресат не отвечает в пределах того временного интервала, который считается нормальным, происходит коммуникативный провал (см. пример (1.I)).

2. Сериальность. Переписка по электронной почте часто происходит в форме серии писем и ответов на них, которые образуют единый коммуникативный акт. Внутри этой серии действуют некоторые особые правила, обеспечивающие ее связность (см. пункты 3–5).

Фрагмент сериальной переписки представлен в примере (1) (пары «письмо – ответ на него» пронумерованы римскими цифрами). Как видно из первой фразы, данный фрагмент является продолжением прерванной предыдущей серии (ответ не поступил в ожидаемые 24 часа)³.

(1) I.

M: Lenochka, Vy ne otvechaete. Uzh ne obidela ja Vas chem? Uzhas kakoj!

L: Dorogaya Marina, nu vot eshche, obidela, prosto zakrutilas', kak i skazano bylo po telephonu. Zato ja mogu rasskazat' retsept garnira, kotoryi ja nauchilas' delat' nedavno i kotoryi sdelala vchera. Eto garnir k bliudu, kotoroe ja sdelala, k tsesarke s chernoslivom, kak my s Vami i Nastej delali v Parizhe...

A novostei s tekhn por kak my govorili nikakikh net.

Tseluju, Vasha L.

II.

M: Oj spasibo za recept. Menja on ochen' vdoxnovljaet. Vot tol'ko gde najti kashtany i cesarku?

Dolgo dumala, kto eto Nastja, potom ponjala – ee zovut Natasha, na vsjakij sluchaj.

Poka vsjo. Celuju.

L: Natahsa, konechno zhe Natasha. Prosto ja pisala s kem-to drugim na ume. Etot garnir ne obiazatel'no s cesarkoj, mozno s ljubym miasom.

Vchera ja byla na vernisazhe, vernisazh byl v chest' otkrytija klumby izobrazhajushchej bankovskuju kartochku VISA, sdelanuju iz posazhennykh aniutinykh glazok. Klumba v vide VISA card byla krasivaja, no jeshche krasivee byla obyknovennaja burzhuaznaja klumba po druguju storonu gazona.

Nu, do sledujushchego raza. Ne derzhite pechenku v kholodil'nike slishkom dolgo. Tseluju, Vasha L

III.

M: Lenochka, ja vsjo ponjala, krome того, zachem zhe Vy poshli na takoj strannyj vernisazh. Prishla studentka, tak chto potom dopishu chto-nibud'.

L: Poshla na vernisaj chtoby liudei posmotret', sebia pokazat'.

3. Межписемная анафора. Подобно обычному письму, исходное электронное письмо может содержать в себе несколько тем-реплик. Существуют разные стратегии ответа на такое письмо. В некоторых случаях ответ может содержать отдельные ответные реплики, не связанные между собой никакими формальными показателями перехода – см. пример (1.II). Однако во многих случаях возникает необходимость так или иначе обозначить тему, на которую реагирует отвечающий. В переписке по электронной почте используется специальная система средств отсылки к фрагментам текста того письма, на которое пишущий отвечает. Вообще говоря, разработчики системы электронной почты предусмотрели такую потребность: отвечающий может вставить в свое письмо помеченный (специальным знаком >) фрагмент чужого текста. Однако, как оказывается, многие люди, активно пользующиеся электронной почтой, этот способ «автоматического цитирования» в частной переписке избегают, потому что несмотря на свое практическое удобство, он часто вызывает негативную реакцию у автора исходного письма⁴. Вместо этого используются специальные средства межписемной анафоры; наиболее распространенные из них – предлоги *про*, *насчет* и *относительно*, образующие с подчиненной именной группой своего рода абсолютную конструкцию, отсылающую к упомянутой в предыдущем письме ситуации в целом, ср. примеры (2) – (4):

(2) *Pro statju Petersona*. Ja ee prochel ochen' vnimatel'no, sobstvenno ona v znachitel'noj mere menja i vdoxnovila.

(3) *Naschet Grecii* – chto Iljusha ne poedet s nami, ja tebe govorila ne raz, on otkazalsja, potomu chto u nego v eto vremja konferencija po Mandel'shtamu (vprochem, on ne ochenj xotel s samogo nachala), chto otchasti lishilo smysla meroprijatie, potomu chto zadumano ono bylo kak poezdka vsej semjjej.

³ Все примеры даются в оригинальном (принадлежащем авторам писем) написании; специально вопрос о способах транслитерации будет рассмотрен ниже.

⁴ Причина такой негативной реакции нам не совсем ясна: возможно, дело в том, что такое цитирование воспринимается как свидетельство формального, «бездушного» отношения к тексту, которое уместно лишь в деловой переписке, ориентированном на точность передачи информации, а не на эмоциональную адекватность восприятия (которая важна в дружеской переписке, и которая подтверждается, в частности, правильным выбором языковых средств при пересказе).

(4) *Otnositeljno Larisy* – ja by skazala, chto eto neskolkjko nekrasivo: ja imeju v vidu, otkazatjsja takim obrazom, chto nichego nam ne soobshchitj i dazhe ne otvetitj na moe pisjmo.

4. Возможное отсутствие обращения, приветствия и прощальной формулы. Первые два письма серии обычно содержат формулы обращения и приветствия, однако в последующих письмах серии формула приветствия опускается; что касается обращения, то оно может оставаться, а может тоже опускаться (см. пример (1)). Если письмо представляет собой ответ на конкретный вопрос (или непосредственную реакцию другого типа), то обращение всегда опускается (см. пример (1.П)). То же касается прощальной формулы и подписи (пример (1. Ш)).

Обратим внимание на то, что жанр писем по электронной почте обнаруживает черты сходства с перепиской пушкинских времен, когда письма (или записки, посылаемые с курьером) доходили до адресата иногда за несколько часов – таким образом, что в течение дня люди могли несколько раз обменяться письмами. В письмах той эпохи также наблюдается редукция форм приветствия и обращения и непосредственная реакция на полученное письмо в первой же фразе, ср. пример (5):

(5) а. [Гоголь – Пушкину, 13 мая 1834, С.-Петербург]: Я, раздумавши, увидел, что писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу [...] если зайдет речь обо мне с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. [...] Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно. Вечно ваш, *Гоголь*

б. [Пушкин – Гоголю, 13 мая 1834, С.-Петербург]: Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова. <...> Авось уладим.

5. Временной дейксис. Общим с жанром устной коммуникации является использование в электронных письмах показателей временного дейксиса, характерное для разговорной речи: вставка выражений типа «я *сейчас* сижу за компьютером и пью кофе»; «*только что* пришел Вася»; «*сейчас* пойду спать» и т.п. (см. пример (1.Ш)). Эти показатели употребляются практически в режиме реального времени (потому что обычно человек, написав письмо, сразу же его отправляет, и адресат легко может восстановить, какому моменту времени соответствует это «сейчас»). В обычном письме такого рода временной дейксис неуместен – за исключением случаев, когда время написания письма является отдельным элементом его содержания, и в этом случае оно эксплицитно обозначается (например: «*Сейчас* три часа ночи; я не могу заснуть, и решил написать тебе письмо»).

6. Особенности пунктуации. В электронной переписке имеются две тенденции отклонения от правил пунктуации, отчасти противоположные, но по существу служащие одной и той же цели – передаче релевантной информации. А именно, с одной стороны, опускаются не служащие смысловозначению знаки препинания (чаще всего – запятые и кавычки), ср. отсутствие выделения запятыми придаточного предложения в предложении *А новостей с тех пор как мы говорили никаких нет* в примере 1.Г; отсутствие выделения вводного слова *кстати* в примере (6). С другой стороны, те же знаки препинания могут использоваться, независимо от существующих правил, для передачи актуальных для пишущего смыслов. Так, кавычки широко употребляются в электронной переписке как показатели «чужого слова» всех типов, ср. (Розина 2005: 20–24). Запятые используются для обозначения интонационных барьеров, а также при «нанизывании» предложений, характерном для стиля электронного письма (ср. следующее предложение из примера (1.Г): *Долго думала, кто эта Настя, потом поняла – ее зовут Наташа, на всякий случай.*). Помимо запятых в этом случае используются также двоеточия, скобки и тире – без особой дифференциации в значении; выбор того или иного из перечисленных знаков регулируется в первую очередь стремлением избежать повтора одного и того же знака, который может привести к затрудненности понимания (как в случае скобок в скобках) или к искажению смысла (как в случае повтора, на небольшом расстоянии, знака тире, который приобретает значение двойного тире, или последовательности разнофункциональных запятых)⁵. Вообще тире, как известно, – наиболее семантически нагруженный знак русской письменной речи, и это обстоятельство активно эксплуатируется в электронной переписке⁶.

Помимо указанной функции, все перечисленные знаки позволяют опускать союзы и союзные слова, оставляя логическую связь между предложениями или их частями невыраженной (отчасти это компенсируется имплицитной семантикой знаков препинания), и таким образом помогают реализовать тенденцию к замене гипотаксиса паратаксисом, характерную для разговорной речи. Приведем примеры:

(6) Ja uznaju, mogu li ja svoj besplatnyj bilet vzjatj krugovoj (ja zhe po bonusu Aeroflota v Berlin polechu, raz nam ne dali granta – ja tebe govoril kstati ob etom?).

(7) Еще я пока читала корректуру, прочла на обратной стороне (а они из экономии печатают на оборотках) статью Трубочева про союз «а» (сегодня купила эту книгу – вышло два тома его работ по этимологии).

(8) My segodnja posle raboty uezhaem do ponedel'nika: u nas ponedel'nik vухodnoj: Labor day, ponimaesh'.

⁵ Проблема омонимии знаков препинания существует и для «обычных» письменных текстов, ср. [Кобзарева 2005]. В текстах электронной переписки она усугубляется.

⁶ Ср. следующий комментарий Лидии Гинзбург из Записных книжек 1920–1930-х годов: “Л. В. Щерба рассказал, что Бодуэн де Куртенэ вычеркивал в работах своих учеников тире, которое он называл «дамским знаком». Вслед за Бодуэном Щерба полагает, что тире, равно как и подчеркивания (в печати курсив), попало в литературу из эмоциональных форм: письма, дневника. «Сейчас письма не пишут. А прежде писали много, особенно женщины, – и многие очень хорошо писали». Он усматривает в употреблении тире и курсивов признак нелогичности или лености пишущего, который пользуется не прямыми, а добавочными средствами выражения мысли.”

Упомянем здесь также написание слова прописными буквами с целью его эмфатического выделения, например: *И при этом все равно КУЧА ошибок – опечаток, пропусков, всякой ерунды* (ср. понятие “electronic shouting” в [Augell, Brent 1993], а также [Нещименко 2005: 64]).

II. Тексты электронной переписки являются ценным свидетельством спонтанной письменной речи – феномена, не ставшего пока самостоятельным объектом лингвистического анализа. Особенности спонтанной письменной речи могут быть установлены по характеру опечаток – поскольку электронные письма часто не перечитываются (и тем самым не исправляются) пишем. Помимо чисто «механических» опечаток, не представляющих специального интереса (в том числе перестановки букв)⁷, в нашем материале обращает на себя внимание систематическое употребление именительного падежа вместо косвенного, для устной речи вовсе нехарактерное. Приведем некоторые примеры:

(9) не хочется выходить *на улица*; поеду навестить *бабушка*; но это уже *от знание*, что так делается; которые образуют собственную *специфика* данного жанра; предлагаю тебе изменить фразу *про экономия* усилий; не является препятствием *для использование* системы; очень много *омонимия*, пошла вместе с ним, чтобы оформить *отсрочка*.

Это явление не может быть квалифицировано как смешение падежей (ср. описание этого явления в [Гловинская 2001]). С другой стороны, эти примеры не соответствуют ни одному из типов употребления именительного падежа в разговорной речи, перечисленных, например, в [Земская 1973: 241-264] и в [Лаптева 2003: 140-168]. Так, близкими к рассматриваемому нами являются отмечаемые в литературе конструкции с «экспансией именительного падежа», ср.: *Библиотека Ленина сойдете?*; *Две копейки нет у вас?*; *По ч т а на автобусе надо ехать*. Однако это, очевидно, совсем другое явление хотя бы потому, что все такие предложения – коммуникативно расчлененные и с препозицией именной группы в именительном падеже. С другой стороны, в устной речи невозможно сочетание формы именительного падежа с предлогом (ср. сочетания *на улица*, *от знание*, *про экономия* в наших примерах).

Наиболее близкие к нашим примеры ошибочного употребления именительного падежа вместо косвенного в устной речи приводятся в [Гловинская 1996: 267]: (а) *Нужно иметь в виду и предвыборная компания*; (б) *Мы рассматриваем это не просто как та или иная возможность*; (в) *Здесь прямая связь между жизнью каждого человека и то, что происходит в экономике*. На наш взгляд, здесь можно усмотреть смену стратегии в процессе порождения речи. В примере (б) возможна также контаминация двух конструкций (*это – возможность* и *рассматриваем это как возможность*), поскольку для существительного *возможность* не различается именительный и винительный падеж. Но все эти случаи отличаются от употребления именительного падежа вместо косвенного, иллюстрируемого примерами (9), где синтаксическая конструкция жестко задана глагольным управлением, и при этом расстояние между управляемым словом и существительным слишком мало, чтобы можно было говорить о смене стратегии.

Так или иначе, частотность обсуждаемой ошибки не позволяет интерпретировать ее как обычную опечатку. Можно предположить, что этот факт свидетельствует о том, что слова хранятся в памяти не в виде парадигмы (набора словоформ), а в форме именительного падежа, от которой образуются остальные падежные формы – и подобные написания свидетельствуют о том, что человек «не успел» образовать нужную форму. Во всяком случае очевидно, что данное явление заслуживает отдельного психолингвистического исследования.

III. Рассмотрим теперь кратко вопрос о способах латинской транслитерации, используемых людьми, пишущими электронные письма по-русски. В первые годы после своего возникновения международная электронная переписка велась исключительно в латинской графике по причине отсутствия кириллицы в большинстве компьютеров за пределами России. В настоящее время возможности кириллицы существенно возросли, но в целом необходимость использования латиницы в электронной переписке сохраняется. Проблема транслитерации русских текстов имеет достаточно давнюю традицию изучения [Реформатский 1960, Якобсон 1965, Успенский 1967/2002]. Транслитерации в электронной переписке на русском языке посвящена работа [Бирцер 2004]; эта проблема рассматривается также в [Успенский 1996/2002]. Здесь остается, однако, достаточно много вопросов, требующих дальнейшего исследования. А именно, мы остановимся на двух аспектах проблемы – психолингвистическом и семиотико-культурном.

Дело в том, что текст русского электронного письма, набранного латиницей, имеет дополнительный параметр варьирования – как передана графическая форма слова – и, соответственно, дополнительное семиотическое измерение. Русский текст в стандартной кириллической форме этого измерения не имеет, так как его графическая форма задана однозначно. Это обстоятельство имеет далеко идущие последствия, поскольку создает дополнительный мощный стимул расшатывания норм русской орфографии (что, в свою очередь, соответствует эстетике постмодернизма, имеющей большое влияние в современном мире вообще и российском обществе в частности). В какой-то степени использование латиницы способствует расшатыванию также и грамматических норм (по крайней мере, для русских людей, долго живущих за границей) – в частности, за счет увеличения доли несклоняемых слов, возникающих в результате воспроизведения иностранных топонимов и антропонимов в их оригинальной графической форме вместо транслитерации их русского перевода, при которой

⁷ Наряду с написаниями типа *тчо* вместо *что* (которые наводят на мысль о том, что они отражают нелинейный характер фонетического образа слова в сознании), в электронной переписке встречаются ошибки типа *ака* вместо *как*, а также перестановка последней буквы слова и знака пробела (напр. *дв адома*), очевидно «механического» происхождения.

морфологическая оформленность сохраняется, ср. употребления типа *Ja seychas zhibu v Marseille* (вместо *v Marsele*), *Ja zavtra uezzhajuz iz Paris* (вместо *iz Parizha*), для устной речи нехарактерные⁸. Наш материал позволяет сделать вывод о том, что иногда русский язык в электронных письмах обнаруживает признаки деградации, каковых устная речь того же человека не содержит.

В детективном романе Веры Белоусовой «По субботам не стреляю» ключевым моментом в ходе раскрытия преступления является обнаружение одним из героев смены принципа транслитерации в середине электронного письма: действительно, впоследствии оказывается, что первую половину писал убитый, а вторую дописал убийца после совершения преступления. Одним из неожиданных результатов нашего исследования является тот факт, что принцип латинской транслитерации почти столько же, сколько пишущих. Мы попытались систематизировать эти различия. А именно, мы различаем следующие типы систем транслитерации: «научная» vs. «эмпирическая»; допускающая/не допускающая вариативность (свойство «однозначности» по Успенскому); сохраняющая все оппозиции кириллического написания vs. допускающая неразличение (свойство «обратимости» по Успенскому).

Кроме того, мы выявили три основных параметра, влияющие на тип используемой человеком системы транслитерации. Это: 1) наличие профессиональных навыков филолога-слависта; 2) ментальный склад (грубо говоря, «научный», т.е. с преобладанием логического, абстрактного мышления vs. «художественный», с преобладанием образного мышления); 3) ориентация на определенный иностранный язык (английский, французский или немецкий): это может быть первый иностранный язык, выученный в школе (как было в случае с персонажами романа Веры Белоусовой) или язык страны проживания (если человек живет за границей). Значения этих признаков могут различным образом комбинироваться, и каждой комбинации соответствует определенное подмножество систем транслитерации (из множества, которое задается значениями различающих их конкретных признаков, т.е. способов передачи каждой из проблемных русских графем, типов неразличения – например, глухих и звонких согласных, букв Ы и И – и др., см. таблицу ниже).

В таблице приведены некоторые из систем транслитерации, используемых в электронной переписке (в таблицу включены только те русские буквы, которые создают проблемы при передаче латиницей – за исключением букв Ъ и Э).

	S1 (стандартная)	Варианты S1	S2	S3	S4	система Успенского
с	s		s	s	s	s
ш	sh	ch, sch	s	sh, sch	sh	sh
з	z		z	z, s	z	z
ж	zh	j	z	sh, sch, j	zh, g, j	zh
ч	ch	tsh, tsch	c	ch, tsch	ch	ch
ц	c	ts	c	ts, c, tz	c	c
щ	shch	sch	sc	sch	sch	th
х	x	h, kh	ch	h, ch	kh, x	kh
я/ю	ja/ju	ia/iu	ja/ju	ja/ju	ya/yu	ya/yu
и	i		i	i	i	i
ы	y		y	y	i	ih
ь	'	j	'	'j	'	j
й	j	i	j	j	y	yj

В первом столбце таблицы помещена «стандартная» система транслитерации, принятая среди славистов (и используемая для транслитерации примеров из славянских языков в лингвистической литературе), адаптированная к набору символов, в котором отсутствуют диакритические знаки. Этой системой пользуются живущие на Западе ученые-слависты (а также иногда члены их семей). Эта система представлена информантом М. в примере (1), а также в примерах (2), (8). Второй столбец не представляет никакую систему – в нем собраны варианты передачи отдельных букв внутри стандартной системы S1, встречающиеся в электронной переписке людей «научного» ментального склада, живущих как на Западе, так и в России. В частности, это могут быть филологи, ориентирующиеся на другие стандартные системы транслитерации (например, Библиотеки Конгресса США); см. примеры (3), (4), (6), а также реплики информанта Л. в примере (1). Некоторые варианты обусловлены влиянием языка страны проживания (например, использование буквы J для передачи русского Ж встречается только у людей, ориентированных на французский или английский язык; ср. также использование сочетания букв CH или SCH для передачи русского Ш, ориентированное, соответственно, на французский и немецкий).

Следующие три столбца представляют образцы «эмпирических» систем, используемых отдельными информантами или группами информантов (как уже говорилось, таких систем огромное множество; мы приводим здесь только три из них). Система S2 характеризуется последовательным неразличением шипящих и

⁸ Интересен факт совпадения этой тенденции с употреблением типа *живу в Строгино*, которое столь широко распространено в современном русском языке, что стало почти нормой.

свистящих (ею пользуется человек «художественного» ментального склада, с единственным иностранным языком – немецким). Система S3 характеризуется неразличением Ш и Ж, частичным неразличением С и З, а также большой степенью вариативности (ею пользуется человек «художественного» ментального склада, с главным языком – французским). Система S4, которой пользуются несколько наших информантов-неславистов, живущих в США, характеризуется последовательным неразличением И и Ы⁹, а также употреблением буквы Y для передачи русского Й (обе эти особенности связаны, очевидно, с доминированием английского языка). В последнем столбце помещена «научная», т. е. удовлетворяющая требованиям однозначности, обратимости (и некоторым другим), система, предложенная в [Успенский 1996/2002], которая, однако, не получила распространения (по крайней мере, в нашем корпусе нет ни одного текста, использующего эту систему).

Подводя итоги, можно сказать, что частная переписка по электронной почте представляет собой интереснейший лингвистический объект, достойный дальнейшего изучения.

Литература

1. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций). Дисс.... канд. филол. наук. Астрахань, 2001.
2. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
3. Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. М., 2001.
4. Земская Е.А. (ред.) Русская разговорная речь. М., 1973.
5. Капанадзе Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М.В.Панова, Москва, 2001.
6. Кобзарева Т.Ю. Омонимия и синонимия знаков препинания в русском тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2005.
7. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. 2-ое изд. М.: УРСС, 2003.
8. Нецименко Г.П. К вопросу о лингвистическом статусе языка компьютерных диалогов // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М.Николаевой.
9. Реформатский А.А. Транслитерация русских текстов латинскими буквами // Вопросы языкознания, 1960, №5.
10. Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.
11. Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках. Дисс.... канд. филол. наук. Ярославль. 2004
12. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография, <http://planeta.gramota.ru/gnt.html>, 2005.
13. Успенский В.А. К проблеме транслитерации русских текстов латинскими буквами. // В.А.Успенский. Труды по нематематике. Т.1. М., 2002 (1967).
14. Успенский В.А. Невтон – Ньюто́н – Нью□тон, или Сколько сторон имеет языковой знак? // Труды по нематематике. Т.1. М., 2002 (1996).
15. Якобсон Р.О. О латинизации международных телеграмм на русском языке // Вопросы языкознания, 1965, №1.
16. Augell D., Brent H. The Elements of E-mail Style. Communicate Effectively via Electronic Mail, 1993.
17. Günther U., Wyss E. E-Mail-Briefe – eine neue Textsorte zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit // Hess-Lüttich E. (Hg.): Textstrukturen im Medienwandel. Frankfurt am Main: Lang, 1996.
18. Handler P. There is a message in the wire. Stilistische Annäherungen an das Phänomen E-mail // Computer und Unterricht. 1994.
19. Leslie J. Mail-Bounding: E-mail Is Creating A New Oral Culture // Wired. 1993.
20. Pansegrau P. Dialogizität und Degrammatikalisierung in E-mails // Sprachwandel durch Computer. Opladen: Westd. Verlag, 1997.
21. Townshend K. E-mail: Using Electronic Communication // Foreign Language Teaching. London: CILT, 1997.

⁹ Это тем более удивительно, что противопоставление именно этих двух букв порождает в русском языке огромное количество минимальных пар (*был – бил, пыл – пил, мыл – мил*). Неразличение графем Ы и И не смущает приверженцев такой системы, даже когда оно приводит к каламбурам, ср. реальный пример *Ya tronut, chto ty menya ne z a b i l a*. Отказ от буквы Y для передачи русского Ы связан, возможно, с тем, что буква Y в этой системе используется для передачи буквы Й и йотированных гласных (*ya, yi*).